

МАРИЯ САЙКИНА

ФУТБОЛ ИЗ ДУШИ

Мария Сайкина

Физрук из аниме

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74321836*

Физрук из аниме: Массолит;

ISBN 978-5-6056950-6-6

Аннотация

Чтобы завоевать сердце самой популярной девушки школы, ботаник-анимешник просит помощи у нового физрука, который разбирается в тропах романтической манги лучше, чем в нормативах по физкультуре. Но его гениальный план рушится, когда он понимает, что влюбляется не в «призовую принцессу», а в свою лучшую подругу.

Содержание

Глава 1. Согласно канонам жанра	4
Глава 2. Проект по социальной адаптации героя	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Сайкина

Физрук из аниме

Глава 1. Согласно канонам жанра

Мишу в школе замечали не сразу.

Не потому, что он специально прятался или носил какой-то невероятно блеклый свитер, а просто из-за того, как он существовал в пространстве: тихо, без резких движений, не споря и не выдвигаясь вперёд. Он почти всегда сидел на последней парте, ближе к окну, на своём постоянном месте, которое за несколько лет как будто приросло к нему. На любом уроке он выглядел примерно одинаково: тетрадь открыта, ручка в руке, взгляд вроде бы направлен на доску, плечи опущены, спина чуть сутулая.

Если не присматриваться, казалось, что он просто внимательно слушает. Но стоило заглянуть ближе, становилось ясно, что на полях вместо схем и конспектов появляются аккуратные рисунки. Не одна случайная рожица или абстрактные геометрические фигуры, а полноценные персонажи: большие глаза, странные причёски, завышенные воротники, плащи, школьные формы. Иногда это были узнаваемые герои из аниме, иногда – просто вариации на тему. Рядом он подписывал реплики на ломаном английском или русскими буква-

ми, имитируя японские имена, добавлял короткие цитаты, которые запоминал из серий.

Иногда вокруг головы персонажа появлялись маленькие стрелки с комментариями, как будто он делал пометки к собственному воображаемому учебнику:

«тут он ещё ничего не понимает»,

«классический момент перед аркой тренировок»,

«главная героиня его, конечно, не замечает».

К концу урока поля заполнялись так же уверенно, как у кого-то заполнялись конспекты, и только редкие формулы или даты вставлялись между рисунками, когда учитель особенно настаивал на записи.

Учителя к этому уже привыкли.

Первые пару лет они пытались делать замечания, но довольно быстро поняли, что на качество домашних заданий это почти не влияет. Если Миша не мешал, не разговаривал и не устраивал лишнего шума, его особо не трогали. Домашние задания он сдавал в срок, контрольные писал не блестяще, но уверенно, на свои стабильные «четвёрки» с редкими «тройками» и такими же редкими «пятёрками».

В дневнике у него не было ни двоек, ни каких-то особых похвал, ни ярких замечаний по поведению. Пара записей про «забытый учебник» или «опоздание на урок» тонула в общем списке. Он был из тех, кто как будто растворяется в списке класса: не лучший, не худший, «нормальный мальчик», которого упоминают только при переключке и ко-

гда нужно довести количество до нужной цифры. Если бы попросили кого-то из других классов описать его, большинство лишь неопределённо пожало бы плечами и сказало что-то вроде: «Этот... тишина, на последней парте сидит».

Только сам Миша так не думал.

Для него настоящий мир был не в расписании уроков, а в тех сериалах, которые он смотрел вечерами и ночами, иногда тайком, с наушниками, чтобы не разбудить родителей. Там всё было понятнее, чем в школе: есть герой, есть путь, есть испытания, есть финальная сцена, где всё становится на свои места. Там каждый конфликт либо решается, либо хотя бы получает аккуратную точку под финальные титры.

В отличие от реальности, где всё чаще казалось, что никакого сценария нет, а если и есть, то он написан кем-то невидимым и очень невнимательным. Домашние задания просто идут одно за другим, линейки сменяют друг друга, четверти как-то заканчиваются сами, а события вроде «новый ученик» или «школьный праздник» появляются без всякой логики жанра.

Особенно это ощущалось, когда дело касалось Арины из 10 «Б».

Арину в школе знали все.

Не так, чтобы поклонялись, но её имя всплывало в разговорах чаще многих других. Она была из соседнего класса, но появлялась в коридорах так часто, что казалось, будто она есть везде: на лестницах, в столовой, возле кабинета дирек-

тора, у доски объявлений, у шкафчиков в раздевалке.

Высокая, аккуратная, с ровными волосами до плеч, всегда в чистой рубашке и юбке, без нарушений формы. Иногда она добавляла к форме что-то минимальное – тонкий браслет, маленькие серёжки, но никогда ничего такого, за что могли бы сделать замечание. Почти всегда у неё в руках было какое-то дело: стопка тетрадей для учителя, папка с бумагами, список участников, объявление, которое нужно приклеить к стенду.

Если где-то нужно было «ответственное лицо», в списке часто всплывало её имя. Она участвовала в олимпиадах, помогала на школьных мероприятиях, иногда выступала ведущей. Для учителей это был удобный, понятный человек, которого можно было попросить «организовать», «передать», «проследить».

Для Миши она выглядела как типичная «главная героиня» школьного ромкома.

Каждый раз, когда он видел её в коридоре, внутри всё немного сжималось. Он делал вид, что просто смотрит в сторону, рассматривает стенд или окно, но на самом деле отслеживал каждое её движение: как она идёт, как поправляет волосы, как отвечает учителю, как улыбается кому-то из старшеклассников.

В голове автоматически возникали кадры: крупный план, боковой ракурс, лёгкое замедление. Он почти слышал воображаемую музыку из опенинга, которую сам себе подставлял

вместо обычного школьного шума. Иногда он даже думал, какая серия сейчас могла бы быть по номеру, если считать с первого сентября.

При этом он хорошо понимал, что в обычной реальной школе такие истории почти никогда не начинаются.

По крайней мере, не так, как это показывают в сериалах: без драматического столкновения на повороте, без падения с книгами, без внезапного общего дождя и одного зонтика на двоих. В их школе максимум, что происходило, – это кто-то задевал кого-то рюкзаком, извинялся и шёл дальше.

Но привычка думать о жизни через кадры аниме была слишком сильной и никак не собиралась исчезать сама по себе. Иногда он даже пытался представить, как бы выглядел постер «по мотивам» его жизни, и каждый раз выходило что-то довольно скучное: обычный класс, обычный коридор, он где-то на заднем плане, Арина в центре, а название какое-нибудь слишком длинное.

В один из обычных дней, возвращаясь после уроков домой и листая в телефоне список просмотренных тайтлов, он впервые сформулировал для себя мысль почти вслух. В наушниках что-то играло, автобус трясся, но он всё равно наклонился к экрану и шепнул:

«Согласно канонам жанра, чтобы понравиться Арине из 10 „Б“, мне нужен крутой наставник-сенсей».

Фразу он не только произнёс, но и записал себе в заметки – в тот же файл, где хранил списки аниме «когда-нибудь

пересмотреть». Она казалась ему настолько «правильной», настолько подходящей под формат классической арки, что от неё стало немного легче: если есть «сенсей», значит, будет и «арка тренировок», и «раскачка героя», и «финальный подвиг» где-нибудь на школьном празднике.

А если никакого сенсея не появится, то всё так и останется набором неловких взглядов издалека и случайных пересечений в коридоре, которые ни к чему не ведут и даже не запоминаются.

Единственный человек, который знал, что Миша вообще живёт такими мыслями, была Лиза.

Лиза сидела с ним почти седьмой год подряд.

Не по какой-то особой причине, просто так получалось: при распределении по партам их редко разводили. Они менялись партами, классами, кабинетами, но всё время оказывались рядом – то на первой парте у окна, то на последней у стены, то посередине, где всегда шумно.

Лиза была полной противоположностью его анимешного мира.

Короткие прямые волосы, простая одежда без ярких принтов и пафосных надписей, обычные джинсы, свитер или рубашка. Всегда немного ироничное выражение лица и привычка говорить прямолинейно, не подбирая длинных формулировок. Если ей что-то казалось глупым, она так и говорила.

Она терпеть не могла, когда Миша начинал объяснять

что-то через сюжеты.

Если он говорил: «Это как в такой-то серии», она закатывала глаза и отвечала:

– В реальной жизни никто так не делает. Это всё придумано для тех, кто не хочет думать.

При этом она его не отталкивала.

Она слушала, спорила, поправляла, могла прямо сказать, что план глупый, нелогичный или слишком «нарисованный». Мише иногда было неприятно это слышать, но потом он всё равно приходил к ней с очередной идеей.

И именно к ней он шёл, когда очередной сезон заканчивался не так, как хотелось, или когда Арина, проходя мимо, посмотрела поверх него, будто он действительно часть стены или мебели. Лиза не сочувствовала, но и не смеялась. Она просто констатировала:

– Ну, значит, это не твой жанр.

Утро в тот день, когда всё слегка сдвинулось, началось как обычно.

Сначала была линейка во дворе, потом первый урок, потом второй. Всё по знакомому сценарию: толпа на входе, привычные объявления, чей-то опоздавший рюкзак, громкий звонок, разговоры в классе. На третьем по расписанию была физкультура.

Раньше это означало стандартный набор: разминка, несколько кругов по залу, прыжки, иногда игра в мяч. Большинство относилось к этому как к формальности, обязатель-

ной строке в дневнике. Кто-то специально забывал форму, кто-то стоял в стороне «по справке».

Но в этот раз в раздевалке кто-то сказал, что старый физрук ушёл, и вместо него будет новый.

– Говорят, молодой какой-то, – заметил кто-то, разуваясь. – Не дед.

– Ещё и это нам надо, – буркнул другой. – Щас заставит нас там ГТО сдавать.

Миша не придавал этому большого значения.

Физра была для него просто уроком, который надо переждать, не провалившись лицом в мат. Он переоделся в спортивные штаны и футболку, привычно убрал вещи в шкафчик, постоял пару секунд, пока другие шумели, и вышел в зал. Как обычно, встал в конец строя, стараясь занять место, откуда меньше всего видно учителю.

Через пару минут в зал вошёл человек, которого они раньше не видели.

Он был заметно моложе прежнего учителя, без привычного «учительского» живота, в обычной спортивной форме. У него были короткие волосы, он двигался быстро, уверенно и как-то слишком бодро для первой встречи с классом. В руке он держал журнал, который небрежно положил на стол, даже не оглядываясь.

– Я – Виктор Сергеевич, – представился он. – С сегодняшнего дня – ваш учитель физкультуры.

Класс ответил нестройным «здравствуйте».

Кто-то уже внутренне приготовился к тому, что дальше начнутся стандартные слова про дисциплину, нормы ГТО и уважение к спорту. Но вместо этого он подошёл к колонке, подключил телефон и включил музыку.

Через пару секунд стало ясно, что это не обычный поп-хит из радио.

Знакомые мотивы заставили Мишу поднять голову: это был саундтрек из «Attack on Titan». Такого на уроках он ещё не слышал, и от неожиданности даже перестал мысленно рисовать в голове очередной кадр.

– Так, – сказал Виктор Сергеевич. – Сегодня у нас не просто физкультура, а лёгкое вступление в тактическую подготовку. Сейчас мы проверим, на что способна ваша выносливость. Командные игры у нас будут называться «тактическими баталиями».

Кто-то хихикнул, кто-то переглянулся с соседом, тихо повторяя: «тактические баталии». Но учитель говорил спокойно, будто это самое обычное название, и не делал паузы для смеха.

Пока они делали разминку, он несколько раз произнёс свою фразу:

– Ваша ки – истощена! Идите качаться!

Пока это звучало как шутка, но фраза запоминалась легко, как запоминаются странные реплики из рекламных роликов или мемов. Пара человек повторила её между собой, будто пробуя на вкус.

Миша стоял в конце и пытался не выделяться.

Но чем дольше он смотрел на учителя, тем яснее понимал, что тот ведёт себя не совсем как обычный физрук. Музыка из аниме, слова «ки», «тактические баталии»... всё это странно напоминало что-то знакомое, только обычно это происходило по ту сторону экрана.

К концу урока, когда они выполняли простое упражнение на растяжку и зал уже немного загудел от усталости, Виктор Сергеевич сказал что-то вроде:

– Не забываем: герой – это не тот, кто сразу всё может, а тот, кто не сдаётся на средних сериях.

Для большинства это пролетело мимо.

Кто-то уже думал о том, что будет на следующем уроке, кто-то потирал колено. Но для Миши это прозвучало слишком похоже на реплику из какого-то тайтла. Он невольно вслух добавил фразу из «Евангелиона», которая крутилась у него в голове, даже не подумав, что её могут услышать.

Несколько человек обернулись.

Урок на секунду замер, как будто кто-то поставил паузу.

– Так, – сказал Виктор Сергеевич, посмотрев в его сторону. – После урока задержись. Поговорим.

Это прозвучало как обычное «остаться после звонка», но Миша почувствовал, как живот неприятно сжался. Внутри сразу включился знакомый сценарий: выговор, разговор про дисциплину, «уроки – это не место для таких шуток».

Лиза на выходе из зала только бросила ему тихо:

– Я же говорила, что твои аниме до добра не доведут.

Но в её голосе не было злобы. Скорее, привычная ирония, которой она сопровождала почти всё, что с ним происходило.

Когда урок закончился, класс вышел, и в зале стало пусто.

Миша остался. Стоял ближе к стене, ощущая, как тянется секундная стрелка на воображаемых часах. Виктор Сергеевич выключил музыку, свернул провод, какое-то время складывал инвентарь в угол, не торопясь.

На этом моменте день пока выглядел просто немного необычным.

Никто ещё не называл это началом «проекта», никто не произносил слов «фаза» и «арка», и Миша всё ещё думал, что впереди – обычный выговор от нового учителя, который хочет сразу показать характер.

Он ещё не знал, что буквально через несколько минут его запись в телефоне про «сенсея» перестанет быть просто заметкой.

Глава 2. Проект по социальной адаптации героя

Когда дверь спортзала закрылась за последними учениками, стало неожиданно тихо.

Шорох кроссов по полу исчез, мяч больше не катился никуда, музыка была уже выключена. Тишина в большом зале казалась непривычной, будто кто-то резко убавил громкость у всего мира. Даже обычные звуки школы – шаги в коридоре, голоса – здесь доносились только приглушённым фоном.

Мишу эта тишина только напрягала.

Он стоял ближе к стене, держал руки прижатыми к швам, носком кроссовка водил по линии на полу и старался не смотреть прямо на нового физрука, разглядывая вместо этого щель между полом и шведской стенкой.

Виктор Сергеевич какое-то время возился с колонкой, аккуратно наматывал провод, складывал инвентарь в привычном для взрослых неторопливом порядке. Сначала убрал скамейки, потом мяч, потом подошёл к шкафу. Он не спешил, не пытался сразу начать разговор. Казалось, он специально даёт паузу – то ли себе, то ли Мише.

За это время Миша успел пару раз мысленно повторить фразу «я больше не буду», хотя его ещё ни в чём не обвиняли и даже не делали замечаний. В голове уже ползли стан-

дартные версии: «на уроке нужно вести себя серьёзно», «не отвлекай одноклассников», «оставь свои сериалы дома».

Наконец учитель подошёл ближе.

– Это из «Евангелиона» было, да? – спокойно спросил он, как будто продолжал обычный разговор, а не выговаривал ученика.

Миша моргнул.

– Ч-что? – автоматически переспросил он, не сразу сообразив, что речь не о правилах поведения.

– Цитата, – уточнил Виктор Сергеевич. – То, что ты вслух сказал. Это же «Евангелион», я правильно понял?

Миша ожидал всего, но не этого.

Он на секунду даже забыл про то, что вообще-то должен оправдываться, и растерянно посмотрел на учителя уже по-настоящему, не через воображаемую защитную стенку.

– Ну... да, – осторожно признался он. – Просто в голове всплыло. Я не хотел мешать. Больше не буду.

Виктор Сергеевич кивнул, как будто поставил галочку в каком-то внутреннем списке.

– Понятно, – сказал он. – Значит, у нас тут не только класс, а ещё и один скрытый отаку.

Слово «отаку» от взрослого человека прозвучало странно и немного нелепо.

Обычно его писали в комментариях под фанартами или употребляли в обсуждениях на форумах. Услышать его в спортивном зале от учителя физкультуры было как минимум

необычно.

– Вы... знаете это слово? – аккуратно спросил он, наполовину удивляясь, наполовину проверяя, не послышалось ли.

– Я не только это слово знаю, – усмехнулся учитель. – Я вообще-то на этом вырос. Классическая манга девяностых, ночные показы, всё вот это. Так что не переживай, «Евангелионом» меня не испугаешь.

Он прислонился к шведской стенке, скрестил руки и не торопился переходить к «воспитательной части», которой Миша всё ещё ждал.

– Ладно, – сказал он. – Давай по порядку. Почему ты решил цитировать аниме посреди растяжки?

Миша по привычке сначала хотел сказать «само вырвалось», но потом всё-таки попытался ответить честно, как на нормальный вопрос.

– Я просто... так думаю, – признался он. – У меня многие ситуации сразу с чем-то из аниме сравниваются. Как будто там всё уже показали, только надо помнить, как.

– Удобный учебник жизни, да? – кивнул Виктор Сергеевич. – Понимаю.

Он говорил без насмешки, просто констатировал факт, будто обсуждал любимый учебник по алгебре, а не странную привычку.

– И что за жанр у тебя сейчас в голове? – спросил он. – Школьный ромком? Драма? Меха?

Миша пожал плечами.

– Скорее... романтическая школьная манга, – ответил он. – Только без сюжета. Потому что я ничего не делаю.

– Ага, – сказал учитель. – И там должна быть, наверное, какая-нибудь «главная героиня»?

Миша снова удивился, насколько точно тот попадает в формулировки из его головы.

– Ну... да, – вздохнул он. – Арина из 10 «Б».

Имя прозвучало ровно, без особого пафоса, но для Миши оно всегда было отдельной строкой, как подпись к постеру.

– Самая популярная? – уточнил Виктор Сергеевич. – Примерная, активная, все знают?

– Примерно, – кивнул Миша. – Она как «призовая принцесса». Типичная главная героиня.

Виктор Сергеевич на секунду задумался, будто проверял внутри себя список штампов: «главная героиня», «принцесса школы», «ответственная отличница».

– И ты хочешь, чтобы твой сюжет развивался по канону? – спросил он. – Типа, незаметный герой, крутой наставник-сенсей, тренировки, подвиг, признание?

Миша вздохнул ещё раз.

– Я даже подумал недавно, – честно сказал он, – «согласно канонам жанра, чтобы понравиться Арине из 10 „Б“, мне нужен крутой наставник-сенсей». Только это была просто мысль. Я не думал, что такой вообще появится.

Учитель слегка усмехнулся, не слишком широко.

– Ну, с наставником тебе повезло, – спокойно сказал он. –

По крайней мере, с тем, кто понимает, о чём ты говоришь.

Он на секунду замолчал, будто прикидывая масштаб предстоящей глупости, а потом добавил:

– Значит так. Раз уж ты сам это сформулировал, давай сделаем вид, что попали в мангу. Но без перегибов. Никаких драк на крышах школы, никаких признаний под ливнем. Только более-менее реалистичный сценарий, чтобы директор потом не вызывал меня на ковёр.

Миша смотрел на него с осторожным интересом, как на странный эксперимент, в который его пытаются втянуть.

– То есть... как? – спросил он.

– Очень просто, – ответил Виктор Сергеевич. – Я объявляю это «проектом по социальной адаптации героя».

Он произнёс это спокойно, без фанфар и без фанатского блеска в глазах, но для Миши эти слова всё равно прозвучали как название арки. Он почти увидел в голове чёрную страницу с крупной надписью:

«Проект по социальной адаптации героя. Глава первая».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.